

М.Ю. Софокина

ЭМИГРАНТ № 1017:
РОМАН ЯКОБСОН В МОСКОВСКИХ АРХИВАХ

5 октября 1921 г. в картотеке Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (пражский Земгор) появилась новая анкетно-регистрационная запись. Русский эмигрант «№ 1017» был уроженцем Москвы, 25 лет, холост, грамотен, с высшим образованием, не имел постоянного дохода, жил на собственные средства, выехал из России в мае 1920 г., приехал в Прагу из Ревеля (Эстония) 10 июля 1920 г. на счет Красного Креста. Знает немецкий, французский, чешский языки — отмечалось в центральной графе. Ремесло — филолог. Имя — Роман Иосифович Якобсон¹. В тот же день эта фамилия была внесена в «Регистрационный журнал русских эмигрантов» с отметкой — нуждается в паспорте².

Подобные документы заполнялись на тысячи русских беженцев, прибывавших в Прагу — один из европейских центров белой русской эмиграции, возникшей в результате Гражданской войны в России. В самом факте регистрации не было бы ничего удивительного, если бы не два обстоятельства. Во-первых, 24-летний Якобсон приехал в Прагу совсем не как беженец, напротив — как официальный сотрудник миссии советского Красного Креста по репатриации бывших русских военнопленных Первой мировой войны³. Всего через два месяца после приезда, в сентябре 1920 г., он покинул миссию но остался жить в Праге, фактически превратившись в одного из первых советских «невозвращенцев»⁴. А во-вторых, Роман Якобсон никогда не упоминал об этой попытке стать «официальным» русским эмигрантом. Даже в обширном мемуарном интервью Б. Янгфельдту 1977 г., открывшем многие совершенно неизвестные и неожиданные факты «советской»

¹ ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 6765. Благодарю М.М. Горинова-мл. за помощь в выявлении этого документа.

² Там же. Д. 6837. Л. 93.

³ Параллельно миссия выполняла функции первого советского представительства в Чехословакии, не имевшей в то время дипломатических отношений со страной побеждавшего большевизма. Первоначально ее возглавлял в прошлом врач и активный деятель Бунда, а ныне большевик Соломон Исидорович Гиллерсон (1869–1939). Обвиненный в шпионаже, он быстро оставил Прагу. Мероприятия по репатриации завершались в конце лета 1921 г., и миссия Красного Креста трансформировалась в советскую торговую миссию с консульскими функциями. Дипломатические отношения между СССР и ЧСР были установлены только в 1934 г.

⁴ Юридически «невозвращенцы» возникли в советской России после обнародования декрета ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г., предусматривавшего лишение гражданства лиц, выехавших из страны после 7 ноября 1917 г. «без разрешения советской власти», а также тех, кто пробыл за пределами страны свыше пяти лет и не получил в представительствах РСФСР заграничных паспортов.

Объединение Российских Земских и Городских деятелей в Чехословацкой Республике.

Анкетно-регистрационная карточка № 1017

Лит. **Я**

Место и время регистрации: г. **Прага**, м.с. **Октябрь**, 1921 года.

Удостоверение № **640**.

Фамилия **Яковсона** Имя **Роман** Отчество **Томиславович** Регистр. карточка № **1017**

Возраст **25** Место рождения: г. **Москва** губ. **Московской** Адрес **Мини-гараж Киндер**

Семейное положение. Холост или женат? Холост Имя жены Возраст жены Есть ли дети, сколько Перечисление имен и возраста детей Где находится семья Набегает ли кто либо из родных заграницев Где Материальное положение. Набегает ли какой либо источник дохода Размер дохода, зарплата Где служит, работает Нуждается ли в материальной помощи, какой Получает ли откула либо помощь, откула и какою Заведующий отделом	Заключение контроля, ссылка на двух лиц, имеющих правоимные документы, удостоверение союза или общества. Общие вопросы. Какие документы, удостоверяющие личность, имеются на руках Нужен ли вид на жительство Откуда прибыл в Чехию В каких государствах проживал до прибытия в Чехию Когда прибыл На чей счет прибыл Когда выехал из России Образовательный ценз Грамотен или нет Где получил образование Какое Какие знает языки Желает ли доучиться, какое-либо образование Желает ли обучать своих детей Вопросы труда. Каково имеет ремесло Чем занимался в России Нуждается ли в работе Не желает ли изучать спец. ремесло Не желает ли усовершен. по своей спец. Подпись контролера Депутатом не является	Специальн. в.оп. для военноп.т. Когда попал в плен Где Через какие лагеря прошел Состоит ли в союзе военноп. Примечание: Подпись заявителя:
--	--	---

Анкетно-регистрационная карточка Р. Яковсона. Прага. Октябрь 1921 г. ГАРФ.
Публикуется впервые

жизни молодого Яковсона (см.: [Яковсон 2012, с. 21–112]), он ни словом не обмолвился о своем «хождении» в пражский Земгор.

Возможно, ученый просто забыл об этом малозначительном для него эпизоде, тем более что регистрация в антисоветской эмигрантской организации прошла незамеченной и не имела никаких последствий для его «советской» карьеры: с 1923 по 1927 г. юридически, а до 1928 г. фактически Р.О. Яковсон был сотрудником советской дипломатической миссии в Праге — заведующим ее отделом печати, с советским паспортом⁵ и возможностью вернуться на родину. А может быть, спасительный механизм забвения специально отправил неудобное воспоминание на самую отдаленную периферию его памяти, к тому же беспрепятственное перемещение между «белыми» и «красными», советской и эмигрантской организациями в начале 1920-х гг. — явление вполне заурядное, хотя и недостаточно акцентируемое в историографии российского зарубежья.

Все же трудно поверить, что такая кардинальная «смена вех» была малозначима для молодого ученого, особенно в перспективе дальнейших фантастических траекторий его судьбы (см.: [Генис 2009; Сорокина 2000; Яковсон 1999]). Скорее, очевидная недосказанность этого важного для понимания гражданской биографии Яковсона факта — результат того, насколько сложны и непредсказуемы паттерны эмигрантской жизни вообще. И только фотография на эмигрантской регистрационной карточке ясно показывает, сколь мучительны и неоднозначны были для Романа Яковсона принятые в эти годы решения.

⁵ Обладателем советского паспорта, т. е. гражданином СССР, Р.О. Яковсон был до 1937 г. В 1938 г. он принял гражданство ЧСР.

Биографический дискурс беженцев и эмигрантов XX столетия — один из самых скрытных и ненадежных источников. Многие элементы биографий ученых-эмигрантов (даты рождения и кончины, социальное происхождение, подданство, профессиональный статус и др.), приводимые в различных вторичных источниках, и литературе, и даже в собственноручно написанных в эмиграции Curriculum vitae, также разительно отличаются. И причиной тому не только и не столько естественные ошибки памяти, сколько в первую очередь выбор самих научных специалистов, конструировавших свои новые идентичности — как в зависимости от адресата CV, так и от того, кем они себя сами осознавали и кем хотели бы остаться в истории науки и/или памяти потомков, — условно говоря: «русским ученым, работавшим в Чехословакии» или «чешским ученым русского происхождения» (возможны и другие варианты).

Реконструкция их жизненного пути на основе подлинных архивных документов — единственный путь восстановления реальной, а не мифологизированной биографии, а с ней мотивации и логики многих решений и поступков. В случае Романа Якобсона контраст между обилием литературы и документально подтвержденным знанием особенно выразителен для раннего — «русского» (преимущественно московского) — периода жизни филолога. Еще в 1996 г. на международной научной конференции в Москве, отмечавшей столетний юбилей ученого, В.Н. Топоров говорил о необходимости «восстановить биографию Якобсона московского периода» (цит. по: [Якобсон 2000, с. 66]), а многие исследователи и позже неоднократно замечали, что «русские» годы Якобсона очень слабо документированы (см., например: [Янгиров 1995–1996, с. 318; Глебов 2010; и др.]).

Действительно, фактическая канва жизни Р. Якобсона 1910-х — начала 1920-х гг. базируется в основном на воспоминаниях и публикациях переписки ученого, которые по понятным причинам сфокусированы прежде всего на научном (Московский лингвистический кружок, футуристы, формалисты) и дружеском (Брики — Маяковский) контекстах. Важнейшим и нередко единственным источником о его бурной «параллельной» жизни — личной, служебной и общественно-политической — остается уже указанное интервью Р. Якобсона Б. Янгфельдту, содержательный потенциал которого явно недооценивается исследователями. Однако, по крайней мере в опубликованном виде, и оно содержит многочисленные лакуны и нередко — в самых интригующих местах.

Так, например, Якобсон довольно скупо рассказывает о своей семье и ее московском окружении, гимназической и университетской среде, о своих политических симпатиях и контактах в ранние годы. Фигурами умолчания остаются его сотрудничество с Народным комиссариатом иностранных дел советской России (НКВД), официальная и неофициальная работа в советской дипломатической миссии в Праге (Чехословакия) в 1923–1928 гг. и то, как они отражались на отношениях филолога с русской эмигрантской Прагой и чехословацким академическим миром⁶.

В то же время в беседах с Б. Янгфельдтом Роман Якобсон расставил своего рода маячки, обозначив многие важные «проблемные зоны» для своих биографов. Так, именно здесь он впервые упоминает о своей экспертной деятельности

⁶ Впрочем, стоит заметить, что интервьюера эти вопросы и не очень-то интересовали.

летом 1918 г. — участии в подготовке документов для переговоров делегации советской России с правительством гетмана П.П. Скоропадского о межгосударственных границах России и Украины, в которых на разных этапах были задействованы такие важнейшие фигуры большевистской государственной элиты, как И.В. Сталин, Х.Г. Раковский, Д.З. Мануильский и К.А. Уманский [Якобсон 2012, с. 66–67]. Поставленный в общий событийный контекст времени, этот эпизод оказывается знаковым, приоткрывая зону активного взаимодействия Р. Якобсона с советскими чиновниками среднего и высшего уровня и заставляя усомниться в точности его определений своих советских служб как «случайных». Томаш Гланц в недавней статье пишет даже о «московской революционной карьере Якобсона», правда, связывая ее с деятельностью филолога летом 1919 г. как ученого секретаря отдела изобразительного искусства (ИЗО) Народного комиссариата по просвещению РСФСР (НКП, Наркомпроса) при Осипе Брике [Гланц 2016, с. 103]. Однако очевидно, что нижнюю хронологическую границу этой «карьеры» следует существенно перенести во времени и тем более уточнить ее содержание.

Своего рода ключ к пониманию своих советских трансформаций Якобсон дал еще в письме Эльзе Каган в сентябре 1920 г.: «...не одну, десять жизней пережил каждый из нас за последние два года. Я, к примеру, был за последние годы — контрреволюционером, ученым, и не из худых, ученым секретарем заведующего отделом искусств Брика, дезертиром, картежником, незаменимым специалистом в топливном учреждении, литератором, юмористом, репортером, дипломатом, на всех романтических *emploi* и прочее, и прочее» [Якобсон 2012, с. 131]. Документально зафиксировать и сложить в единую картину эти «десять жизней», пришедшихся всего на два-три года большевистской революции и Гражданской войны, — задача весьма сложная. Один из путей ее решения — фронтальное выявление архивных документов, связанных с «русским периодом» Романа Якобсона. Это тем более важно, что российские архивы, за исключением личных фондов ученых, слабо изучены в данной перспективе. Между тем многочисленные служебные документы, сопровождавшие «советскую карьеру» Якобсона, позволяют, например, наметить непосредственную, хотя нередко амбивалентную и разнонаправленную, связь публичной и общественной деятельности филолога с его научной работой и документировать тезис Т. Гланца о принадлежности Р. Якобсона к тому «типу интеллектуальной и социальной активности», который «формировался как революционный акт и революционное действие» [Гланц 2016, с. 102]. Создание единого метатекста «якобсоноведы», цифровое воссоединение кажущихся разрозненными фрагментов и осколков незаурядной жизни и научного наследия Романа Якобсона — программа на будущее. Но только ее реализация позволит подтвердить, опровергнуть или по-новому интерпретировать ту насыщенную мифологическую составляющую, которая плотно окружает судьбу Якобсона. Пример такой процедуры показал все тот же Т. Гланц, убедительно доказавший, что «миф о Якобсоне в межвоенной Чехословакии как об интернациональной интеллектуальной идилии» очень далек от исторической реальности [Якобсон 2011, с. 109].

В рамках настоящей статьи мы обозначим некоторые перспективные для «якобсоноведения» возможности архивной эвристики на трех примерах — документах, извлеченных из фондов нескольких, совершенно разных по уровню

российских архивов, — национального — Государственного архива Российской Федерации, муниципального — городского архива Москвы и ведомственного — Архива Российской академии наук.

МОСКОВСКИЕ ГОДЫ

Московские годы Романа Якобсона — 1896–1920 — вместили эпохальные исторические события (мировая и Гражданская войны, три революции), имевшие огромное влияние на его жизнь и профессиональную карьеру. Москвич по рождению, Якобсон был жителем одного из деловых центров города. В этом районе — на Лубянке, Сретенке, Мясницкой и Маросейке, рядом с Московской хоральной синагогой — жили семьи московской еврейской буржуазной элиты: состоятельные предприниматели и адвокаты, профессора и артисты. Многие из них — Каганы, Якобсоны, Брики, Румеры, Вермели и др. — были связаны родственными узами, которые нередко перерастали в тесные дружеские и профессиональные связи. К их кругу принадлежал и главный раввин Москвы Яков Исаевич Мазе (1859–1924)⁷, составивший и подписавший метрическое свидетельство о рождении Романа Якобсона в доме Шиллинга по Милютинскому переулку (Мясницкая часть, 1-й участок)⁸.

Выбор гимназии для обучения сыновей⁹ в семье Якобсонов, выходцев из западных губерний Российской империи, вероятно, диктовался многими факторами — от степени близости к дому и системы обучения до учета интересов отцовского бизнеса. Согласно данным официального списка учащихся Политехнического училища в Риге, отец Романа Якобсона Осип (Иосель-Бер, Ossip, Jossei) Абрамович (Абелевич) Якобсон (Jakobsohn) родился в январе 1866 г. в Ковенской губернии Российской империи (ныне Литва) и окончил реальное училище в г. Великие Луки Псковской губернии (см.: [Album 1912, р. 219])¹⁰. В опубликованных «Отчетах» этого училища имя Якобсона-старшего появляется в 1882/83 учебном году как ученика IV класса. На протяжении учебы он всегда был одним из пяти лучших учеников класса, а в 1886 г. получил «Аттестат об окончании курса» в числе десяти первых учеников. Любопытно, что попечителем училища являлся известный историк, издатель крупнейшего исторического журнала «Русская старина» М.И. Семеvский (1837–1892), который в качестве награды за успешную учебу подарил отцу Романа Якобсона комплект этого журнала за 1885 г. «в хорошем переплете» [Отчет 1886, с. 22–23]. Получив в Риге образование инженера-химика, Осип Якобсон преуспел, однако, не в научной или производственной сфере, а в торговле восточными товарами (рис, чай) в Москве. Нередко приводящиеся сведения о том, что он был купцом 1-й гильдии, вероятно, легендарны. Нам не удалось обнаружить никаких до-

⁷ Сын раввина Сергей (1900–1994) впоследствии стал коллегой Якобсона по Московской диалектологической комиссии и Московскому лингвистическому кружку.

⁸ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 328. Д. 2638. Л. 13–13 об.

⁹ Брат Р.О. Якобсона, известный в будущем историк и библиограф Сергей (1901–1979) также учился в ЛИВЯ в 1910–1918 гг., см.: ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 2. Д. 3263.

¹⁰ Мать Р. Якобсона — Анна Янкелевна (урожд. Вольперт) была уроженкой Риги.

кументов, подтверждающих его причисление к купеческому сословию и тем более к 1-й гильдии. Торговля бакалейными товарами — так определяет «Вся Москва» занятия старшего Якобсона. Не исключено, что своим бизнесом он был связан с владельцем доходного дома, в котором находилась квартира Якобсонов (Лубянский проезд, д. 3, затем д. 6), — купцом-миллионером Н.Д. Стахеевым (1852–1933), имевшим значительные деловые связи в Китае¹¹.

Возможно, потенциальные интересы бизнеса сыграли известную роль в определении сыновей Якобсона в учебное заведение, связанное с азиатским регионом. Совсем недалеко от их квартиры, в Армянском переулке, располагался Лазаревский институт восточных языков (ЛИВЯ), имевший и свои гимназические классы. Обучение в ЛИВЯ приравнивалось к получению высшего образования. Здесь широко изучались восточные языки и культура, а институт в целом был первым российским специализированным училищем, готовившим переводчиков и консульских работников для дипломатических представительств России в странах Востока. ЛИВЯ окончили многие известные российские востоковеды и дипломаты, в том числе академик В.А. Гордлевский (1876–1956), профессор Кембриджа В.Ф. Минорский (1877–1966), будущий евразиец, крупнейший специалист по курдам и знаемец В.Б. Шкловского по Персии В.П. Никитин (1885–1960)¹² и многие другие.

Роман Якобсон учился не в ЛИВЯ, как нередко пишут, а в его гимназических классах, выпускники которых имели все права выпускников классических гимназий ведомства Министерства народного просвещения, в том числе прямого поступления в университеты. Но в отличие от классических гимназий, сюда принимались дети любой религиозной принадлежности. А у Якобсона и в гимназии, и в Московском университете в графе «вероисповедание» всегда стояло — «иудейское»¹³. Вопрос сохранения национально-конфессиональной идентичности был, без сомнения, весьма важен для родителей будущего филолога, отправивших сына не в гимназии по соседству (например, известная 3-я гимназия была совсем рядом с квартирой Якобсонов), а в такое учебное заведение, которое позволяло беспрепятственно сохранять эту идентичность.

Таким образом, дипломатическая и лингвистические линии судьбы Романа Якобсона проектировались еще с детства, и совсем не случайно мотив «посредника как переводчика» так зримо присутствует в его «будетлянских» воспоминаниях¹⁴.

В августе 1905 г. Якобсон поступил в гимназические классы ЛИВЯ, полный курс окончил в мае 1914 г. с серебряной медалью. Фонд института (№ 213) очень неплохо

¹¹ Дом № 6 теперь известен книжным магазином «Библи-Глобус».

¹² О связях В.П. Никитина и В.Б. Шкловского см.: [Сорокина 2001; 2014].

¹³ Якобсон крестился только в 1938 г. Его крестным был евразиец П.Н. Савицкий.

¹⁴ Так, вспоминая о встрече М. Ларионова и Ф. Маринетти в ресторане в 1914 г., Якобсон отмечает: «Я им был нужен, потому что почти никто из русских не говорил по-французски, и я служил как бы переводчиком» [Якобсон 2012, с. 37]. Вяч. Вс. Иванов приводит слова Р. Якобсона о проницательности Осипа Брига, который предрекал, что ему предстоит быть дипломатом. «Лилия Юрьевна и другие присутствовавшие удивились: как же так? В чем верность предсказания? Якобсон отвечал уклончиво, — рассказывает Иванов, подмечая, — но, видно, ему казалось, что в его деятельности есть нечто в этом духе» [Иванов 1999, цит. по: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/7/ivanov.html>].

хо сохранился в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы¹⁵ и дает довольно полное представление об идейной атмосфере и интеллектуальной среде, в которых происходило становление будущего ученого. Педагогический совет гимназических классов ЛИВЯ, интернациональный по составу и космополитичный по духу, до 1911 г. возглавлял известный языковед и этнограф, профессор Московского университета Всеволод Федорович Миллер (1848–1913). Немецкий язык преподавал автор учебника этого языка латыш Карл Христофорович Зоргенфрей (Карлис Зоргенфрейс; 1852–?). Учителем французского языка у Якобсона был Генрих Эдмундович Тастевен (1881–1915) [Певак 2008], литературный и художественный критик, переводчик с французского языка и секретарь журнала «Золотое руно» (1907–1909). В 1914 г. он выпустил небольшую книжечку «Футуризм. (На пути к новому символизму)», в приложении которой были опубликованы манифесты Ф. Маринетти (Marinetti; 1876–1944), так что все его ученики сразу оказались сопричастны «пеклу творения» русского авангарда. «У меня с ним были дружеские отношения <...> — вспоминал Якобсон. — Нисколько не учитель-педант, а культурный деятель богемно-интеллигентного типа» [Якобсон 2012, с. 26–27].

Сохранившиеся в архиве отчеты классных наставников гимназистов ЛИВЯ, потрясающие по детализации, содержат сведения обо всех сторонах ученической жизни — от количества и причин пропуска занятий, времени, потраченного на экзамены, до психологических характеристик способностей и недостатков учеников¹⁶. В классе Романа Якобсона, который оказался последним, успевшим завершить учебу в мирное время, до начала Первой мировой войны, было чуть более тридцати учеников. Среди них преобладали представители пассионарных национальных меньшинств Российской империи: армяне, поляки, осетины, евреи. Многие из них увлекались эсеровскими идеями и особенно — практиками революционной борьбы с самодержавным режимом на улицах Москвы и в тайных организациях, что неоднократно приводило к их арестам и исключению из гимназии¹⁷. Неудивительно, что средняя успеваемость класса Якобсона составляла три с половиной балла из пяти, между тем классный инспектор И.С. Тандов отмечал, что этот «класс не из сильно неуспевающих»¹⁸.

В отличие от одноклассников, средний бал успеваемости Романа Якобсона был существенно выше — 4,85 (четверка только по географии), и он всегда занимал лидирующую позицию в классном рейтинге¹⁹. Примерно с 1913 г., времени всепоглощающего увлечения футуризмом, Якобсон стал пропускать много занятий, а его успеваемость упала — появились четверки по латыни, греческому и даже французскому и немецкому языкам²⁰. В конечном итоге четверка по латыни,

¹⁵ Однако личное дело Р.О. Якобсона в этом фонде не сохранилось.

¹⁶ См., например: ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1634, 1678 и др.

¹⁷ См., например: Там же. Д. 1337.

¹⁸ Там же. Д. 1499. Л. 24 об.

¹⁹ Там же. Л. 23.

²⁰ Так, только в первой половине 1913 г. Якобсон пропустил 85 уроков (что соответствовало 19 учебным дням); затем еще 65 (Там же. Д. 1678. Л. 21 об. — 22, 43–44 об.).

полученная на испытаниях на «Аттестат зрелости», лишила Якобсона золотой медали. Зато экзамен по немецкому языку он сдал «без подготовки и первым без билета»²¹. В то же время на письменных испытаниях по русскому языку юноша подал сочинение на тему «Культура деловитости в романах Гончарова “Обыкновенная история” и “Обломов”» последним из учеников 8-го класса — через 2 часа 20 минут²², и уже в «Аттестате зрелости» педагоги-лазаревцы особо отметили успехи Р. Якобсона в русской словесности²³.

Кроме него, «отличников» в классе было еще трое — Исаак Кан²⁴, Андрей Баландин (издатель и соредaktor Якобсона по школьному журналу «Мысли ученика»), а также Арам Варданян, — и в знак отличия все они носили «золотые петлицы». Но и среди других одноклассников можно назвать немало любопытных персонажей. Владимир Жебровский, о котором Якобсон неоднократно упоминает в «Будетлянине» как о своем близком приятеле, после Гражданской войны служил в советской разведке в Китае²⁵, а Наум Вермель принадлежал к известному и обширному родственному клану ученых, писателей и художников. На четыре класса младше Якобсона учился В.М. Эйтингон (р. 1899). Заметим также, что в мае 1909 г. в ЛИВЯ прошла все испытания на «Аттестат зрелости» Лили Юрьевна Каган, получившая не только тройки по большинству предметов, но и две пятёрки — по математической географии и немецкому языку²⁶.

Этот беглый обзор гимназической среды Романа Якобсона показывает, что абстрактный для многих «Восток» уже с юности был для него вполне предметен, осязаем и наполнен не столько поэтическими стереотипами мистики и таинственности, сколько вполне конкретной атмосферой политического активизма «окраинных» народов. Казалось, именно им российские революции 1917 г. открывали все возможности для блестящей карьеры и счастливой судьбы, и первые пореволюционные годы подтверждали это.

После окончания гимназических классов ЛИВЯ 24 июня 1914 г. Роман Якобсон подал прошение о зачислении на историко-филологический факультет Московского университета²⁷. Спустя четыре года, в мае 1918, он получил «Свидетельство» от факультета о прохождении всего учебного плана по секции языка славяно-русского отделения и сдаче выпускных экзаменов в испытательной ко-

²¹ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1727. Л. 57.

²² Там же. Л. 12–12 об.

²³ Там же. Ф. 418. Оп. 328. Д. 2638. Л. 11.

²⁴ Кан Исаак Львович (1895–1945) — издатель гимназического журнала «Мысль ученика». Вместе с Я. Буслаевым, П. Богатыревым и Р. Якобсоном участвовал в диалектологических поездках по уездам Московской губернии (1915). Эмигрировал в Берлин, затем жил в Праге. Архитектор.

²⁵ По возвращении в СССР в 1937 г. зачислен научным сотрудником секции маньчжуроведения Китайского кабинета Института востоковедения АН СССР. Арестован 29 марта 1938 г. Обвинен по статье 58-1а УК РСФСР. 29 октября 1939 г. приговорен ОСО при НКВД СССР к высылке в Казахстан на 5 лет. Вероятно, погиб. См.: [Васильков, Сорокина 2003, с. 163].

²⁶ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 2. Д. 3334.

²⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 328. Д. 2638. Л. 9.

Фрагмент личного студенческого дела Р. Якобсона. 1914 г. ЦГАМ. ОХД до 1917

миссии «весьма удовлетворительно»²⁸. Любопытно, что в личном деле выпускника Якобсона ни слова не говорится, получил ли он диплом и писал ли дипломное сочинение. Интересно и то, что, когда в ноябре 1918 г. Якобсон был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, тема его магистерской диссертации в документах не фигурирует. Похоже, что в этот момент статус «магистранта» был нужен ему прежде всего для освобождения от воинской повинности, грозившей отправкой на фронт братоубийственной Гражданской войны²⁹. В последующие годы бегство от мобилизации стало едва ли не главной мотивацией советской служебной карьеры Р.О. Якобсона³⁰.

В архиве Народного комиссариата по просвещению РСФСР сохранилось два личных дела филолога, свидетельствующие, что его сотрудничество с Нарком-

²⁸ Там же. Л. 1–3 об.

²⁹ Нам пока не удалось обнаружить какой-либо подлинный документ Московского университета, подтверждающий этот факт.

³⁰ Так, «Личная карточка сотрудника НКП», сохранившаяся в одном из личных дел Якобсона, фиксировала: «Пост. Центр. Приемн. Ком.: освободить от военной службы. 19.X.1918» (ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 67. Д. 114. Л. 1).

просом началось в сентябре 1918 г. как консультанта подотдела гуманитарных наук Отдела реформы школ. Стоит напомнить, что сам наркомат был сформирован только в июне 1918 г., а Отдел реформы школ должен был руководить одной из важнейших составляющих большевистской культурной революции — кардинальным изменением программ преподавания и созданием новых школьных институций. Якобсон работал здесь «сдельно»³¹, как и многие другие интеллектуалы, стремившиеся непосредственно участвовать в формировании «нового человека». Например, там же, но в подотделе художественного развития учащихся, служил Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938) [Нерлер 1989], регулярно, как показывают архивные протоколы, посещавший заседания коллегии Отдела реформы школ и его подотдела и даже успешно проводивший здесь свои начинания³². Так, с именем поэта был связан проект создания Центрального института ритмического воспитания, и под сметой, выделявшей на его организацию 640 150 рублей, стояла подпись самого Мандельштама³³. Воспоминания искусствоведа и переводчика С.Г. Вышеславцевой (1890–1975), в первые годы советской власти сотрудника Наркомпроса, свидетельствуют о самых разнообразных «ответственных заданиях» новых управленцев: «Помню, например, — писала она, — как мы вдвоем <с Осипом Эмильевичем> ходили по району Остоженки и Пречистенки (Наркомпрос помещался возле Крымского моста), присматривая, какой бы нам реквизировать старинный особняк, наиболее подходящий для организации в нем Курсов или Института популярной в то время ритмической гимнастики по системе Далькроза... Помню растерянные лица немногих оставшихся в Москве хозяев или уполномоченных этих аристократических особняков и их робкие, неуверенные ответы на вопросы, которыми мы их забрасывали. Держались мы с Осипом Эмильевичем очень важно — как представители Наркомпроса, советской власти...» [Вышеславцева 2001]³⁴.

Молодой философ Яков Эммануилович Голосовкер (1890–1967), будущий автор «Сказаний о титанах» и «Логики мифа», также не без успеха проводил в Наркомпросе свой проект — учреждение юношеской гуманитарной академии. И хотя старшие товарищи проницательно указывали, что эта академия — «любопытный уголок в стороне от жизни. Это античная культура, Платоновская Академия, попытка — вне жизни создать ту рошу блаженных, где будет идти интенсивная умственная работа по приведению в порядочный вид разных элементов культуры, рассыпанных на протяжении веков. <...> Проект... пытается создать в стороне то, что нам совершенно не нужно»³⁵, молодость, задор и связи инициатора делали свое дело. Несмотря на жесткую критику некоторых коллег, Я.Э. Голосовкер получил возможность создать специальную комиссию по проведению в жизнь

³¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 67. Д. 114. Л. 1.

³² Там же. Оп. 6. Д. 4. Л. 210, 258, 291 и др.

³³ Там же. Л. 234–235.

³⁴ Цит. по: <http://www.pressa.spb.ru/newspapers/spbved/2001/arts/spbved-2396-art-21.html> (дата обращения: 20.09.2016).

³⁵ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 6. Д. 4. Л. 166.

своего проекта, членами которой стали философ и психолог Г.Г. Шпет, писатель Е.Г. Лундберг, психолог К.Н. Корнилов и др.³⁶ В недалеком будущем почти все они окажутся по разные стороны советских идеологических и академических баррикад, но в первые годы большевистской власти было еще совсем неясно, кто станет «гением», а кто «злодеем», и Наркомпрос А.В. Луначарского служил трамплином институциональной карьеры для всех профессионалов, стартовавших с большевиками.

В отличие от О.Э. Мандельштама и Я.Э. Голосовкера, Р.О. Якобсон не стремился инициировать в советском Наркомпросе какие-либо новые институты. Во всяком случае, нам не удалось обнаружить ни одного подобного проекта, связанного с его именем, хотя известно, что Московский лингвистический кружок вошел в список учреждений Наркомпроса и тем самым получил небольшую государственную субсидию [Шапир 1996, с. 363].

Личное дело Р.О. Якобсона фиксирует еще одно наркомпросовское назначение — с 23 января по 28 марта 1919 г. он считался прикомандированным к Коллегии по делам музеев, которую возглавляла Н.И. Седова, жена Л.Д. Троцкого³⁷, но и здесь следов его деятельности не видно. Только 15 апреля 1919 г. по протекции О. Брика, заместителя заведующего и члена коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса³⁸, Якобсону удалось поступить в комиссариат на штатную должность — ученого секретаря этого отдела с окладом 2110 рублей, которую он и занимал ровно пять месяцев, до 15 сентября того же года, когда был уволен «согласно поданному им заявлению»³⁹.

Зато история сотрудничества Романа Якобсона с Народным комиссариатом по иностранным делам заслуживает отдельного и самого детального изучения. И потому, что она длилась почти десять лет, и потому, что именно здесь, на пересечении личных, политических и государственных интересов и стратегий, наиболее наглядно проявлялась тесная прагматическая связь идеологического и академического в практике российской революционной эпохи.

Об опыте общения с советским НКИД летом 1918 г. Р.О. Якобсон впервые рассказал все тому же Б. Янгфельдту в 1977 г. [Якобсон 2012, с. 66–67]. История, которую он поведал, поначалу кажется фантастической и хлестаковской: якобы летом 1918 г. Якобсона, только что окончившего Московский университет, разыскали сотрудники наркомата, чтобы выяснить содержание термина «языковые границы», которым оперировала украинская делегация правительства гетмана П.П. Скоропадского на переговорах о новых межгосударственных границах с советской Россией.

Переговоры начались в столице независимой Украины в конце мая 1918 г., после прихода к власти гетмана П.П. Скоропадского, и имели огромное значе-

³⁶ Там же. Л. 167.

³⁷ Там же. Оп. 67. Д. 114.

³⁸ В «Будетляние» Якобсон упорно называет его заведующим, хотя эту должность занимал художник Д.П. Штеренберг.

³⁹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 67. Д. 15. Л. 2–3; Д. 114. Л. 1.

ние, ибо здесь впервые делалась попытка установить реальную границу новых государственных образований в постимперском пространстве. Украинскую делегацию возглавлял известный юрист, в тот момент генеральный судья УНР и сенатор С.П. Шелухин (1864–1938), российскую — известный революционер болгарского происхождения, незадолго до этого возглавлявший в Одессе Верховную автономную коллегия по борьбе с контрреволюцией в Румынии и на Украине, а впоследствии глава правительства уже советской Украины Х.Г. Раковский (1873–1941).

Советская Россия в его лице предлагала при определении границ руководствоваться принципом самоопределения народов, между тем украинская сторона настаивала на этнографическом принципе и стремилась провести границы по линии, отделявшей германские оккупационные войска от советской России. Она также предъявляла претензии на некоторые территории смежных губерний — Воронежской, Курской и других (14 уездов), где большинство населения якобы составляли украинцы, и ряд территорий Области Войска Донского, занятых на тот момент германскими военными. При этом украинские переговорщики ссылались на данные изданного в 1915 г. «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе», где впервые были показаны территории распространения и диалектное членение русского, украинского и белорусского языков⁴⁰. Территориальные претензии гетманского правительства и подвигли большевистское руководство срочно обратиться за консультацией к авторам карты — Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколову и Д.Н. Ушакову. Однако первый из них находился в это время в Саратове, второй — в Воронеже (см.: [Амбросович 2014; Живов 2000, с. XI]) и только Д.Н. Ушаков оказался в пределах быстрой досягаемости.

Университетский учитель Романа Якобсона, профессор Московского университета и председатель Московской диалектологической комиссии (МДК) Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942) с дореволюционных времен был известен как сторонник реформы русской орфографии и после 1917 г. естественным образом оказался в центре всех организационных новаций, связанных с изменением преподавания русского языка. Неудивительно, что он почти сразу вошел в число тех научных специалистов, которых большевики широко привлекали к работе в качестве правительственных экспертов. Отбором экспертов занимался заместитель наркома просвещения А.В. Луначарского, бывший политэмигрант и историк М.Н. Покровский (1868–1932), курировавший в Наркомпросе вопросы гуманитарного образования. Именно он давал рекомендации, кого из «старых» профессоров приглашать для экспертной работы в советские наркоматы, в том числе НКВД, и, по-видимому, своим приглашением Д.Н. Ушаков был обязан ему.

В личном фонде Д.Н. Ушакова (№ 502) в Архиве Российской академии наук сохранились многочисленные документы, детально раскрывающие механизм и характер взаимодействия московской филологической профессуры с новой большевистской властью. И среди них — письмо Научного отдела Наркомпроса

⁴⁰ Одна из первых печатных работ Р.О. Якобсона — рецензия на это издание, см.: Этнографическое обозрение. 1916. № 109–110. С. 102–107.

Д.Н. Ушакову от 26 июня 1918 г. с просьбой «...по встретившейся экстренно надобности в связи с мирными переговорами с Украиной <...> пожаловать на совещание, имеющее быть завтра 27 сего июня в 1 час дня в здании НКП, Остоженка, 53...»⁴¹. Наркомпросовский запрос тем более важен, что 22 июня на российско-украинских переговорах была оглашена компромиссная резолюция, предполагавшая в основу пограничного размежевания положить этнографический принцип с проведением, однако, в отдельных спорных местностях опроса населения по этому поводу. Таким образом, в состав Украинской державы включались бы десять уездов Воронежской, Курской и Орловской губерний, четыре северных уезда Черниговской и до трети Донской областей, что, конечно, вряд ли устраивало советские власти в Москве. И 5 июля профессору Д.Н. Ушакову было отправлено еще одно письмо с просьбой «...не отказать в спешном порядке сообщить все новейшие статистические данные о племенном составе населения Черниговской, Курской и Воронежской губерний и Области Войска Донского и прислать соответствующие этнографические карты и материалы, а также указать лиц, желательно в Москве и Петрограде, могущих консультировать по этому специальному вопросу»⁴².

Неизвестно, почему Д.Н. Ушаков не захотел или не смог лично просветить новую власть — летом 1918 г. он жил на даче в Подольском уезде, совсем недалеко от Москвы, но «лицом, могущим консультировать по этому специальному вопросу» оказался 24-летний Роман Якобсон. По его словам, вместе с профессором они составили для большевистских переговорщиков письмо с обоснованием «небесспорности» языковых границ и возможности их оспаривания [Якобсон 2012, с. 66–67]. В личном архиве Ушакова сохранился черновик этого письма (автограф Д.Н. Ушакова), гласящий: «Имеющиеся на этой карте границы, являющиеся границами специально языкового явления, могут не совпадать с этнографическими границами современных народностей. Границы приходилось проводить вообще приблизительно ввиду или недостаточности, или сырости материала, в частности же в указанных губерниях материал в особенности был несовершенен, что отмечено нами в примеч. 13 и след. на стр. 83 и след. очерка. Наконец, в отнесении уездов со смешанным населением к тому или иному наречию в нашей карте могут быть ошибки очень крупные, на что указано в тех же примеч. на стр. 83 и след.»⁴³

Трудно сказать, насколько экспертное участие Романа Якобсона в этих российско-украинских переговорах было значительным, ибо события Гражданской войны уже к началу осени 1918 г. сделали переговоры с гетманом Скоропадским неактуальными. Но события лета 1918 г., вероятно, стали тем мостиком, который ввел недавнего выпускника Московского университета слависта Якобсона в круг высокопоставленных советских чиновников от иностранных дел, что сыграло значительную роль в его дальнейшей «европейской» судьбе.

На протяжении 1918–1921 гг. Д.Н. Ушаков и его коллеги по МДК, в том числе и Роман Якобсон, неоднократно консультировали НКВД и готовили научные мате-

⁴¹ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 66. Л. 2. Наркомпрос располагался в здании бывшего Катковского лицея.

⁴² Там же. Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 3–4.

риалы и специальные доклады для его комиссий по мирным переговорам с Польшей и Латвией 1920 г., которые также занимались проблемами установления границ. При содействии научных специалистов, предоставлявших этнографические, статистические, конфессиональные и другие данные об этнической и языковой принадлежности населения пограничных областей, в том числе Литвы и Беларуси, советский НКВД пытался доказать полякам, что занятая ими часть Беларуси и Украины исторически никогда не принадлежала польской короне. Многие указанные материалы также сохранились в архиве Д.Н. Ушакова в рукописном виде, в том числе записки, подготовленные Р. Якобсоном, и по ним видно, как тщательно и детально разрабатывался каждый вопрос⁴⁴.

Кроме того, в этом же архиве в разделе «Труды других лиц» сохранилась копия пятистраничного машинописного текста, на первом листе которого рукой Д.Н. Ушакова вписано: «Р.О. Якобсон. К вопросу о нац<иональном> самоопределении»⁴⁵. Машинопись не датирована, но если принять ушаковскую атрибуцию текста, то другой документ из его архива — краткая запись 117-го заседания МДК от 30 апреля 1920 г., зафиксировавшая, что в этот день обсуждался доклад Р. Якобсона «Самоопределение народностей»⁴⁶, позволяет предположить, что упомянутая машинопись и есть запись этого выступления — вероятно, последнего публичного выступления в советской России.

Приведем его полностью:

<К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ>

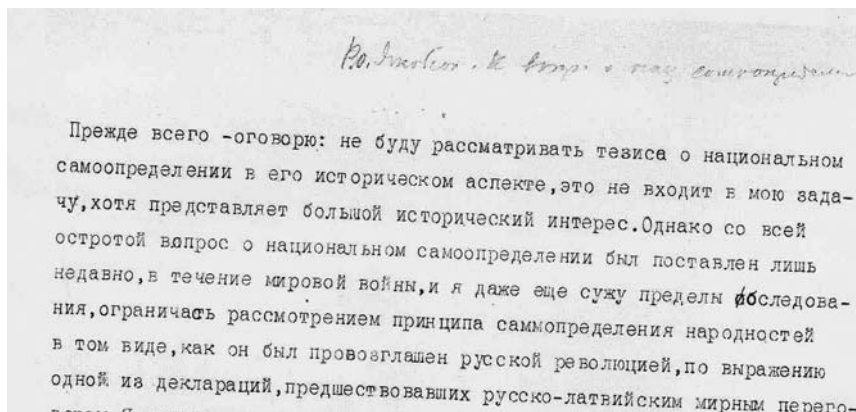
Прежде всего — оговорю: не буду рассматривать тезиса о национальном самоопределении в его историческом аспекте, это не входит в мою задачу, хотя представляет большой исторический интерес. Однако со всей остротой вопрос о национальном самоопределении был поставлен лишь недавно, в течение мировой войны, и я даже еще сужу пределы исследования, ограничась рассмотрением принципа самоопределения народностей в том виде, как он был провозглашен русской революцией, по выражению одной из деклараций, предшествовавших русско-латвийским мирным переговорам. Я полагаю несомненным, что Вильсонова формула⁴⁷ и ее осуществление под эгидой Лиги Наций представляет значительно более вольную интерпретацию принципа, о котором идет речь. Доста-

⁴⁴ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 90.

⁴⁵ Там же. Оп. 5. Д. 23.

⁴⁶ Там же. Оп. 3. Д. 67. Л. 5.

⁴⁷ Имеется в виду мирная программа президента США Вудро Вильсона из 14 пунктов, выдвинутая им в январе 1918 г. Первые пять пунктов включали открытую дипломатию, свободу мореплавания, равенство в международной торговле, сокращение вооружений, согласование колониальной политики. Следующие восемь пунктов касались пересмотра границ на основе самоопределения народов. А 14-й предусматривал создание «всеобщей ассоциации народов, которая давала бы взаимные гарантии политической независимости и территориальной целостности большим и малым государствам».

Фрагмент записи доклада Р. Якобсона. Апрель 1920 г. АРАН. Публикуется впервые

точно вспомнить недавнее обсуждение в Лиге Наций адриатического вопроса⁴⁸, когда не только не считали нужным снестись по этому вопросу с теми или иными представителями Югославии, но самое обсуждение вопроса о судьбе самоопределяемой Антантой территории велось в величайшем секрете от заинтересованных сторон.

Далее оговариваю: я не рассматриваю тезиса о самоопределении с точки зрения политической целесообразности. Моя единственная задача — анализ обнаженного принципа, как такового, по существу.

Еще I Съездом Советов при Керенском⁴⁹ была принята резолюция о праве любой национальной, территориальной или социально-экономической единицы на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого эта единица входила. В дальнейшем эта формула подверглась значительной модификации, и если право народов на самоопределение являлось первично частным случаем права на государственное самоопределение, то в настоящий момент советский официоз уже безоговорочно констатирует: «Российская революция установила аксиому, гласящую, что всякий народ имеет право сам решать свою судьбу, имеет право на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого он входил» (Мелкодержавный империализм, 27 апреля 1920 г.). Таким образом, тезис о государственном самоопределении, как правильной было бы назвать редакцию первого периода революции, подменен тезисом о национальном самоопределении. Эта подстановка производится совершенно последовательно. Так, в одной из недавних нот, обращенных к Финляндии, Чичерин категорически заявляет: «Сов<етская> Россия

⁴⁸ Вопрос о судьбе территорий вдоль восточного побережья Адриатического моря, ранее принадлежавших Австро-Венгерской империи, и непосредственно связанный с политическим и территориальным урегулированием отношений между Италией и Королевством сербов, хорватов и словенцев.

⁴⁹ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов состоялся 3(16)–24 июня (7 июля) 1917 г. в Петрограде. Его стенографический отчет опубликован в 1930–1931 гг. А.Ф. Керенский (1881–1970) являлся в это время министром юстиции Временного правительства России.

признает право на самоопределение народов, но не уездов»⁵⁰. Таким образом, в окончательном своем виде формула расшифровывается так: каждый народ имеет право на государственное самоопределение, т. е. право самостоятельно решать свою политическую судьбу.

2

Но что понимается под народом, нацией и т. п. Мы не будем вдаваться в тонкости детерминации этих этнографических единиц, вопрос о том, можно ли данную социальную группу квалифицировать как народ, практически редко вызывает недоразумения, хотя возможность их не исключена: таков латгальский вопрос, вопрос о белорусском независимости или, наконец, трактовка украинского вопроса в правых русских кругах недавнего прошлого. Основная трудность — определить этнографическую границу, установить принадлежность данных элементов к той или иной народности. Панацея, недавно рекомендовавшаяся в подобных случаях, — плебисцит.

На что он должен дать ответ. Каковы государственные вожеления опрашиваемых элементов.

Ясно, что, поскольку идет речь о желании населения примкнуть к тому или иному государственному союзу, мы возвращаемся к первоначальной добольшевистской редакции тезиса о самоопределении, т.е. народность здесь ни при чем, самоопределение совершается помимо национальности. Если же предположить, что население самоопределяется как нация, то непонятно, почему отсюда следует вопрос о государственности. Нельзя же всерьез ставить знак равенства между понятиями национальности и государства. Если мы, согласно верной формулировке Шпета⁵¹, определим нацию, то показание лица о своей национальности отнюдь не синонимично его государственной ориентации. Мало того, воля к национальности, прогрессивный национализм может у тех или других социальных групп вообще отсутствовать. Если государственное самоопределение возможно как свободное волеизъявление, то нация для многих есть исключительно традиция, принудительность прошлого. Лишь как частный случай культурные тяготения носят национальный характер. Оттого-то парадоксом звучит заявление одного мужика в бытность его в дни Керенского председателем волостного комитета в Бел. уезде, по существу, верно резюмирующее значение принципа самоопределения: «Теперь у нас самоопределение народов, это значит, что теперь я вот русский, а завтра захочу, так объявлю себя жидом или татаринном, и никто мне ничего сказать не смеет» (Доклады с мест). Поэтому-то наиболее спорной рубрикой переписных анкет оказывается вопрос «какой национальности» — отвечающий не знает, какой исторической давности традиция является решающей. Вопрос о

⁵⁰ Источник цитаты установить не удалось. Г.В. Чичерин (1872–1936) возглавлял Народный комиссариат иностранных дел России с марта 1918 г.

⁵¹ Вписано над строкой рукой Д.Н. Ушакова: «См. статью об этнической психологии в Псих. обзор.». Имеется в виду статья профессора Московского университета Г.Г. Шпета (1879–1940) «Предмет и задачи этнической психологии», опубликованная в журнале «Психологическое обозрение» в 1917 г. (№ 1. С. 33–55).

национальности легко отождествляется с вопросом о происхождении. Такой подмен был совершенно откровенно сделан эстонцами во время эстонско-русских мирных переговоров в вопросе о псковских полуверцах⁵². Происхождение местного большинства тяготеет над населением помимо его воли, порою вопреки его устремлениям, его новому культурному облику. Каждый национальный вопрос уподобляется, таким образом, еврейскому вопросу времен царизма. Советские дипломаты, естественно, отводили историзм как решающий момент в деле определения границ, что не мешало им пользоваться статистическими данными о национальности, resp. о происхождении, т. е. о *Muttersprache*⁵³, как будто бы апелляция к *Muttersprache* является меньшим насилием над волей населения, нежели апелляция к *Grossmuttersprache*⁵⁴. Отсюда естественная традиция обратиться к более актуальным этнографическим принципам, точнее к обиходному языку *Umgangssprache*⁵⁵ как единственному четкому этнографическому критерию, допускающему возможность сравнительно точного картографирования. Однако это требует некоторых оговорок.

Во-первых, точка зрения на родной язык как на момент, определяющий национальность, тесно связана с романтическим пониманием языка и национальности как организмов, а не как организаций. Между тем мыслимо национальное волеизъявление, по отношению к которому национальный язык является лишь результирующим, лишь умышленным выводом. Такова история гебраизма. Вне же непрерывного тяготения двух дифференцированных народностей к национальным культурным центрам языки их не имеют границы, являя ряд промежуточных зон. Мало того, поскольку домашний язык не связан с национальным самоопределением, он является просто культурным переживанием, и нельзя класть его в основу национального разграничения, как нельзя православных зачислять в язычники в силу празднования Масленицы или Радуницы; если домашний язык не связан с культурными тенденциями момента, он просто пережиток, не успевший изжититься, и по существу рубрика *Umgangssprache* равноценна рубрике *Muttersprache*. Тем не менее советские дипломаты должны были прийти именно к этому критерию, ибо он является исходным пунктом этнографических карт и большинства статистических материалов. Исторически это произошло таким образом:

Переговоры с Германией — похабный мир.

⁵² Речь идет о народности финно-угорской группы уральской языковой семьи — сету (сето), родственной эстонцам и проживающей в Печорском районе Псковской области России и на восточных окраинах соседних уездов Эстонии (Пылвамаа и Вырумаа), до революции 1917 г. административно подчинявшихся Псковской губернии. Сету в течение XV–XVI вв. приняли православную веру, но в их культуре сохранилось много языческих элементов, за что, возможно, их и стали называть «полуверцами» (есть и другая версия, напрямую связываемая с переселением на Псковскую землю в XVI–XVII вв. эстов-католиков, обращенных в православие миссионерами Печорского монастыря). В 1920 г. по Тартускому договору Печорский край, где проживали сету, но с абсолютным большинством русского населения, отошел к Эстонии и был реорганизован в уезд Петсеримаа.

⁵³ Родной язык (нем.).

⁵⁴ Язык предков (нем.).

⁵⁵ Разговорный язык (нем.).

Переговоры с Украиной Скоропадского — принцип самоопределения. Плебисцит — объективные этнографические признаки — диалектологическая карта.

Переговоры с украинскими государствами — объективные этнографические критерии.

Но от провозглашения принципа самоопределения народов до диалектологической карты — дистанция огромного размера. Это настолько очевидно, что при обсуждении подготовительных материалов к русско-латышским и русско-польским переговорам — лингвистические, диалектологические аргументы всячески избегались, хотя оперировали почти исключительно с языковыми границами. Одиозный термин «языковая граница» сознательно подменялся термином «граница этнографическая».

Если мы учтем степень интенсивности иноплеменных культурных влияний, поскольку они сказываются на языке, либо видоизменяя обиходный язык, либо создавая полосу двуязычия, выживая обиходный язык и насаждая новый культурный язык, если мы в определении границ будем исходить из факта культурного тяготения, мы правда отрешимся от гнета «происхождения», но, с другой стороны, отметем единственный революционный момент, связанный с современным национальным движением, — выход на арену европейской культурной работы новых кадров...

Иноплеменный культурный язык, ассимилирующий себе туземное население, — это часто язык пришлого, купившего страну капитала, язык господствующего класса. Такова роль поляков в Литве и Белоруссии, роль немцев в Латвии и Эстонии. Именно пресловутым культурным тяготением обосновали поляки свое право на Белоруссию, Украину, Литву, а еще недавно немцы на Прибалтику.

Мы рассмотрели все модификации этнографического принципа, подставленного на место принципа национального самоопределения. Его несостоятельность очевидна. Принцип самоопределения народов на поверку оказывается дипломатической фразеологией *façon de parler*⁵⁶ и как таковой, может быть, он и удобен.

Что касается принципа государственного самоопределения в его первоначальной формулировке, то естественным выводом был плебисцит. В настоящий момент плебисциты не в интересах советской власти, ибо они фальсифицируются. Поэтому, если в Польше возобладает точка зрения федералистов, настаивающих на плебисците, эта точка зрения встретит со стороны советской власти отпор. Но, даже не будучи фальсифицирован, плебисцит противоречит советской идеологии. Попробуем стать на минуту на точку зрения последней. Поскольку мы имеем классовое государство, государственное самоопределение равнозначно классовому самоопределению. А что такое классовое самоопределение, как не та «буржуазная свобода», которая последовательно отрицается советскими идеологами. Так, например, поместье, где жил бы барин с преданными, или, скажем, одураченными распропагандированными домочадцами, несомненно, отделилось бы от советской России. Пример наивен и элементарен, но ясно одно: принцип

⁵⁶ Речевой этикет (франц.).

самоопределения народов есть не что иное, как фразеологический факт русской революции.

Вскоре после этого выступления Якобсон покинул советскую Россию. Несмотря на то что он вернулся в страну своей молодости только через 35 лет — в 1956 г., все эти годы Якобсон сохранял и поддерживал самые тесные личные и научные связи с друзьями и коллегами, жившими в СССР. Несомненно, выявление его документов в архивах Министерства иностранных дел Российской Федерации и сопоставление их с материалами чешских архивов и личного фонда ученого в Массачусетском технологическом институте (США) может принести еще много неожиданных находок, объясняющих, сколько же все-таки жизней было у русского филолога Романа Осиповича Якобсона.

P.S. Странным образом эта статья была завершена в ночь с 10 на 11 октября 2016 г. — в день 120-летия со дня рождения Романа Осиповича Якобсона. Архивные разыскания, представленные в ней, были инициированы подготовкой к международной научной конференции «Роман Якобсон: лингвистика и поэтика», состоявшейся в ноябре 2015 г. в Милане и Верчелли. Пользуясь случаем, от всей души благодарю профессора Стефанию Сини (Sini) и Михаила Талалая, подаривших интеллектуально наполненное и дружески теплое общение на итальянской земле; профессора Линду Во (Waugh), «туманные» разговоры с которой прояснили многие эпизоды американской жизни Р. Якобсона; профессоров Наталью Автономову (Москва), Петера Штайнера (Steiner; Филадельфия), Эдоардо Эспозито (Esposito; Милан), а также Александра Дмитриева (Москва) и Андрея Устинова (Сан-Франциско) и всех других коллег — участников конференции за плодотворное сотрудничество. Слова отдельной признательности за многолетнюю поддержку неутомимому архивисту, независимому исследователю и замечательному человеку — Габриэлю Суперфину (Бремен).

Источники и литература

- АРАН — Архив Российской академии наук, Москва
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва
ЦГАМ. ОХД до 1917 — Центральный государственный архив г. Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г.
- Амбросович 2014 — Амбросович П.А. Николай Николаевич Соколов (1875–1923): Некоторые материалы. СПб., 2014.
- Васильков, Сорокина 2003 — Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003.
- Вышеславцева 2001 — Вышеславцева С.Г. <Поэт Осип Мандельштам> / публ. Л. Карохина // Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 13 января (цит. по: <http://www.pressa.spb.ru/newspapers/spbved/2001/arts/spbved-2396-art-21.html> (дата обращения: 20.09.2016)).
- Генис 2009 — Генис В.Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Кн. 1. М., 2009. С. 507–531.

- Гланц 2016 — *Гланц Т.* (Интеллектуальные) революции Романа Якобсона, 1910–1930 годы // Русская интеллектуальная революция 1910–1930 годов. М., 2016.
- Глебов 2010 — *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. М., 2010.
- Живов 2000 — *Живов В.М.* Н.Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания // Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. VII–XXXVI.
- Иванов 1999 — *Иванов Вяч. Вс.* О Романа Якобсоне. (Главы из воспоминаний) // Звезда. 1999. № 7 (цит. по: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/7/ivanov.html>).
- Нерлер 1989 — *Нерлер П.* Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 годах // Вопросы литературы. 1989. № 9. С. 275–278.
- Отчет 1886 — Отчет о состоянии Великолуцкого реального училища за 1885–1886 учебный год. Великие Луки, 1886.
- Певак 2008 — *Певак Е.А.* В орбите «Золотого руна» (Генрих Тастевен) // Stefanos: Памяти А.Г. Соколова. М., 2008. С. 314–348.
- Сорокина 2000 — *Сорокина М.Ю.* «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика — Якобсона» // In Memoriam: Исторический сб. памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 117–142.
- Сорокина 2001 — Василий Никитин: Свидетельские показания в деле о русской эмиграции // Диаспора: Новые материалы. Вып. 1. Париж; СПб., 2001. С. 587–644.
- Сорокина 2014 — Basile Nikitine: «эмир» из «страны голубых антилоп» // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 5. М., 2014. С. 429–466.
- Шапир 1996 — *Якобсон Р.О.* Московский лингвистический кружок / подгот. текста, публ., вступ. заметка и примеч. М.И. Шапира // Philologica. 1996. Vol. 3, № 5/7. С. 361–380.
- Якобсон 1999 — Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999.
- Якобсон 2000 — Из эпистолярного наследия Р.О. Якобсона / вступ. ст., подгот. текста и примеч. О.В. Никитина // Русская речь. 2000. № 4. С. 65–70.
- Якобсон 2011 — *Якобсон Р.О.* Формальная школа и современное русское литературоведение / ред.-сост. Т. Гланц; пер. с чешск. Е. Бобраковой-Тимошкиной. М., 2011.
- Якобсон 2012 — Роман Якобсон. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б. Янгфельдта. М., 2012.
- Янгиров 1995–1996 — *Янгиров Р.М.* Новые материалы к биографии Р.О. Якобсона // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995–1996. С. 318–319.

Album 1912 — Album academicum des Polytechnikums zu Riga, 1862–1912. Riga, 1912.